

УДК 330.33.01

JEL D04, O11, O33, P11

DOI: 10.17213/2312-6469-2021-4-28-38

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АНТИКРИЗИСНЫХ МЕР ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ПОСЛЕДСТВИЙ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА В УСЛОВИЯХ ПРОЯВЛЕНИЯ ВЫЗОВОВ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

© Л.П. Стеблякова 2021

Карагандинский технический университет, г. Караганда, Казахстан

Рассмотрены сценарии развития мировой экономики, а также национальных экономик России и Казахстана в ближайшее десятилетие в условиях преодоления последствий коронавируса. Выявлены отличия современного кризиса, развивающегося на фоне глобальных изменений в мировой экономике, от традиционного циклического. Доказано, что пандемия коронавируса ускорила на современном этапе развития процесс перехода к информационной экономике, интегрирующей информационные технологии и социальный интеллект. В то же время сделан вывод, что происходящие изменения в мировой экономической системе не меняют ее внутренние устои как капиталистического общества. А отсутствие качественных трансформаций не требует кардинального изменения традиционных методов борьбы с кризисом.

Ключевые слова: коронакризис, информационная экономика, сценарии развития экономики, антикризисное регулирование.

PECULIARITIES OF THE APPLICATION OF ANTI-CRISIS MEASURES TO OVERCOME THE CONSEQUENCES OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC IN THE CONTEXT OF THE MANIFESTATION OF THE CHALLENGES OF THE INFORMATION SOCIETY

© L.P. Steblyakova 2021

Karaganda Technical University, Karaganda, Kazakhstan

The scenarios of the development of the world economy, as well as the national economies of Russia and Kazakhstan in the next decade in the conditions of overcoming the consequences of the coronavirus, are considered. The differences between the modern crisis developing against the background of global changes in the world economy and the traditional cyclical one are revealed. It is proved that the coronavirus pandemic has accelerated the process of transition to an information economy integrating information technologies and social intelligence at the present stage of development. At the same time, it is concluded that the ongoing changes in the world economic system do not change its internal foundations as a capi-

talist society. And the lack of qualitative transformations does not require a radical change in the traditional methods of dealing with the crisis.

Keywords: *coronacrisis, information economy, scenarios of economic development, anti-crisis regulation.*

Введение

Современный кризис, вызванный пандемией коронавируса, который переживает мировая экономика, по оценкам экспертов, существенно отличается от традиционного циклического кризиса. Кроме того, его развитие происходит на фоне глобальных изменений в сфере технологий и социальной среде, с одной стороны, обостряющих проявления кризисных явлений, а с другой – ускоряющих процесс перехода к цифровой экономике.

Целью данной статьи является выявление движущих сил развития экономики и общества в современных условиях через выявление особенностей проявления коронакризиса в их взаимосвязи с тенденциями становления информационной экономики, изучение концепций информационного общества, дающих объяснения процессам перехода к цифровой экономике, а также путем проведения анализа условий и перспектив развития мировой и национальных экономик в кризисный и посткризисный периоды.

Авторская гипотеза состоит в том, что, несмотря на существенные изменения, происходящие в технологической и социальной сферах в условиях глобальной цифровизации, методы борьбы с кризисом не претерпевают существенных изменений. Это связано с тем, что происходящие, казалось бы, кардинальные изменения в мировой экономике, в целом не затрагивают внутренние устои капиталистического общества. Остаются прежними (неизменными) его принципы. Отсутствие качественных трансформаций обуславливает использование традиционных методов борьбы с текущим кризисом, применение преимущественно фискальных и монетарных мер. Изучение российского и казахстанского опыта решения экономических проблем, связанных с последствиями пандемии коронавируса, а также мирового опыта применения антикризисных мер позволили проверить выдвинутую автором гипотезу и сделать выводы относительно адекватности применяемых методов борьбы с кризисными явлениями.

Согласно докладу Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (Россия), возможна реализация двух основных сценариев развития мировой экономики в ближайшее десятилетие. Один из сценариев предполагал окончание пандемии коронавируса в середине 2021 года. При этом темп роста мирового ВВП должен составлять около 4% в год, а цена на нефть к 2030 г. должна достичь 85 долларов за баррель. К сожалению, данный сценарий не оправдывается. В соответствии со вторым сценарием прогнозируется продолжение пандемии до середины 2022 года. Темп роста мирового ВВП составит 2-3% в год. Цена на нефть в

2030 г. достигнет отметки в 65 долларов за баррель. Этот сценарий видится более правдоподобным.

Несмотря на то, что первый сценарий более оптимистичный, оба варианта развития предполагают циклический спад мировой экономики к середине десятилетия. Темп роста мирового ВВП к 2025 г. составит всего 1-2%. Падение может быть вызвано перегревом рынков вследствие применения государством фискальных мер и монетарного стимулирования экономического развития (первый сценарий) либо продолжением долгового кризиса из-за затянувшейся пандемии (второй сценарий) [1].

Чем современный кризис отличается от обычного?

Во-первых, традиционный циклический кризис является следствием падения совокупного спроса (потребления, инвестиционной активности и т.д.). Падение спроса ведет к сокращению совокупного производства. Соответственно, выход из кризиса связан с проведением мер, направленных на стимулирование спроса посредством снижения налогов, увеличения государственных расходов и госзаказов, наращивания денежной массы за счет эмиссии Центрального банка.

В ситуации текущего кризиса наблюдаются одновременно и снижение совокупного спроса (особенно на отдельные группы товаров и услуг, связанных с туризмом, транспортом, гостиничным бизнесом, кафе и ресторанами, проведением культурно-массовых и спортивных мероприятий и т.д.), и снижение совокупного предложения (в связи с сокращением рабочей силы, нарушением поставок материальных ресурсов и др.).

Во-вторых, в период обычного кризиса страдают практически все сферы экономической деятельности. Текущий же кризис поразил отрасли экономики неравномерно.

Указанные особенности обостряют проявление кризисных явлений, делая необходимым усиление регулирующей роли государства. Так, для борьбы с пандемией правительства большинства стран мира применяются различные антикризисные фискальные пакеты, включающие меры по поддержке кредитования, прямые выплаты гражданам, пособия на детей и по безработице, помощь пострадавшим предприятиям, дополнительные расходы на систему здравоохранения и ряд других. Причем, размер фискальных пакетов достаточно внушителен. Например, суммарные фискальные стимулы в США за 2020 год составили около 30% ВВП страны.

Наряду с фискальными активно применяются меры монетарного порядка (снижение ключевой ставки Центрального банка, дополнительная эмиссия денежной массы).

Институт международных финансов США прогнозирует значительный рост объема мирового долга, который к середине 2022 г. составит более 300 триллионов долларов. Резкое увеличение мирового долга произошло в 2020 г. (281 триллион долларов), превысив размер глобальной экономики почти в 3,5 раза. Но и этого недостаточно для восстановления ми-

рового хозяйства после пандемии. Падение потребительских расходов и инвестиционной активности правительства большинства стран компенсировали наращиванием государственных расходов. Тем самым поддерживалось совокупное потребление и смягчались последствия кризиса [2].

По оценкам экспертов, долговая нагрузка в ближайшее время продолжит свой рост. Обслуживание растущего государственного долга, в свою очередь, усиливает нагрузку на бюджет страны. На начало 2021 г. общая задолженность населения, компаний реального сектора экономики, финансовых организаций и правительственных учреждений составила (в процентах от ВВП): в США – 372%, ЕС – 422%, Великобритании – 506%, Японии – 557%, Южной Кореи – 363%. В России этот показатель достиг 146% [2].

Сложившаяся ситуация усугубляет и без того сложную экономическую обстановку, делая мировую экономическую систему уязвимой перед новым глобальным кризисом.

Итак, кризис 2020 г. – это свершившийся факт. При этом коронакризис развивается на фоне глобальных изменений, которые претерпевает мировая экономическая система. Так, изменения в **сфере технологий** характеризуются становлением экономики цифровых платформ, обеспечивающих, во-первых, многосторонние взаимодействия субъектов, направленные на осуществление обмена информацией и ценностями; во-вторых, снижение транзакционных издержек; в-третьих, оптимизацию бизнес-процессов и повышение эффективности цепочек поставок товаров и услуг; в-четвертых, трансформацию структуры рынков. Именно цифровые платформы становятся сегодня новыми центрами сосредоточения капитала и регуляторами спроса. В целом в технологической сфере наблюдается непрерывная технологическая гонка с немедленным внедрением ее результатов в сферу производства (космос как бизнес, искусственный интеллект, создание и распространение квантовых компьютеров и др.), использование нетрадиционных источников энергии (сланцевая революция, применение возобновляемых источников энергии).

Социальная сфера трансформируется в направлении появления Big Tech – крупных технологических компаний, имеющих серьезное влияние на рынки (Amazon, Apple, Facebook, Google и др.). Сетевые гиганты становятся точками концентрации капитала и значительной рыночной власти. Этому способствует и эпидемия коронавируса, вызвавшая физическую изоляцию потребителей и изменения привычных схем покупки товаров и услуг. Коронавирус дал мощный толчок развитию различных форматов цифрового обучения, увеличил востребованность услуг курьерской доставки, бесконтактного обслуживания, сформировал запрос на повышение технологизации и комфорта быта людей, работающих дома.

Таким образом, пандемия коронавируса ускорила процесс перехода к цифровой экономике, информационному обществу, выдвигая соответ-

ствующие требования субъектам хозяйственной деятельности, меняя сложившиеся взгляды на движущие силы развития экономики и общества, на представления об экономической политике.

Концепции информационного общества во многом объясняют происходящие процессы, утверждая, что информация представляет собой специфический ресурс, существенно отличающийся от традиционных ресурсов. Например, Р.И. Цвылев выдвигает на роль главной движущей силы экономики «не производство и потребление материальных благ, а создание и потребление информационных ценностей различных категорий или информационных ресурсов» [3, с. 47]. Также он делает акцент на формировании нового гражданского общества, которое опирается на «информационные системы общественного пользования и крупные специализированные базы данных» [3, с. 32]. Информационная экономика интегрирует информационные технологии и социальный интеллект.

На появление информационного общества как результат развертывания информационно-коммуникационных сетей указывает и М. Кастельс [4, с. 693].

Об информационно-сетевой экономике как «глобальной сетевой многоуровневой структуре взаимоотношений между экономическими агентами» говорит С.А. Дятлов [5, с. 89], считая, что зрелость человеческого общества зависит от «организации в нем научного знания и информации», а также уровня «опредмеченности целесообразной информации» [6, с. 244].

Исследование функциональных особенностей информационной экономики заставляет переосмысливать экономические проблемы, давая объяснения многим явлениям и процессам, которые до этого казались необъяснимыми. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на нобелевскую лекцию Дж. Стиглица, в которой он делает акцент на несовершенстве информации и том факте, что «даже количественно очень небольшие несовершенства информации могут оказать сильнейшее влияние на природу равновесия» [7, с. 540]. В связи с этим очень важно, сможет ли рынок справиться с информационными проблемами, и вовсе не факт, что рынок обязательно «очищается» и достигает эффективности Парето [7, с. 547].

Таким образом, в рамках новой экономической политики остается актуальным вопрос эффективности рыночной экономики и адекватности взаимоотношений между рынком и государством. Дело в том, что, нося всепроникающий характер, несовершенство информации обуславливает провалы рыночного механизма, требующие вмешательства государства. Информационные асимметрии могут привести к появлению нерыночных институтов, усугубляющих положение дел.

Закономерности функционирования информационной экономики дают ключ к пониманию развития НИОКР, определению проблем присвоения результатов и затрат, связанных с инвестициями в науку. Данные

проблемы порождаются как несовершенством конкуренции, так и свойством информации, являющейся общественным благом. Именно несовершенством информации объясняется появление «ловушек ликвидности», когда в условиях значительных экономических спадов оказывается сравнительно малоэффективной кредитно-денежная политика.

Понятие «ловушки ликвидности» ввел в оборот еще Дж. Кейнс, описывая проблему «нулевой процентной ставки», которая выступает как ключевой ограничитель антикризисной политики. Ряд исследователей уверены, что прошлых кризисов можно было избежать при назначении отрицательной ставки процента. Однако именно после кризисов в процессе анализов и поиска объяснений происходящим процессам родились многие инструменты экономической политики, в том числе направленные на решение проблемы «нулевой ставки». Например, после кризиса 2008-2009 гг. появилось понимание того, что отрицательную процентную ставку можно сконструировать методами налоговой политики. Путем нивелирования несовершенств информации можно найти решения имеющихся проблем.

Закономерно возникает вопрос, меняются ли методы борьбы с кризисами в условиях перехода к информационной экономике? Насколько адекватны антикризисные меры, применяемые правительствами разных стран в условиях текущего кризиса?

Вернемся к пониманию современных тенденций развития цифровой экономики: происходят сдвиги в структуре профессий, постоянно появляются новые средства распространения информации, происходит «оцифрование» всего вокруг, наблюдаются серьезные изменения в сфере образования. Осуществляется информатизация всего нашего образа жизни. И хотя этот процесс продолжается уже несколько столетий (и на это делают упор сторонники исторического подхода), но именно XX и XXI века с их глобализацией и распространением международных организаций создали условия для информационного взрыва. А пандемия коронавируса послужила своеобразным катализатором данного процесса на современном этапе развития.

Однако, несмотря на происходящие, казалось бы, кардинальные изменения в мировой экономической системе, эти изменения в целом не затрагивают внутренние устои капиталистического общества, основные принципы которого остаются прежними, укрепляясь и применяясь все более широко. А глобальное сетевое общество, о котором так много сегодня говорится, есть, по словам Ф. Уэбстера, не что иное, как «более полное воплощение, или, если угодно, трансмутация, хорошо известных принципов капиталистического общества» [8, с. 370].

Один из исследователей информационного общества, К. Кумар, говоря об информационном взрыве, утверждает, что он не произвел никаких радикальных сдвигов ни в организации индустриального общества, ни в направлении его развития. В современном обществе «господствуют те же

императивы получения прибыли, власти и контроля, как это было всегда в истории капиталистического общества» [9, с. 154]. К. Кумар видит различия не столько в принципах организации нового общества, сколько в скорости, широте и последовательности их применения.

Нельзя искать ключ к изменениям в обществе вне социальных связей (именно этим грешит технократический подход, базирующийся исключительно на «революции информационных технологий»). Количественные характеристики не могут однозначно быть свидетельством качественных трансформаций. А если качественные трансформации не произошли, то и методы борьбы с текущим кризисом не могут кардинально отличаться от традиционных методов борьбы с кризисами.

Возвращаясь к проблемам преодоления текущего кризиса в России, необходимо отметить, что исследователями-аналитиками составлены три сценария экономического развития страны на ближайшие 10 лет: «новая индустриализация», «социальный разворот», «стабилизация». Реализация первого сценария предполагает проведение реиндустриализации путем стимулирования инвестиционной активности, технического обновления производства, роста производительности труда, заработной платы и потребления.

Сценарий «социального разворота» делает акцент на обеспечение роста экономики страны за счет увеличения доходов граждан (заработной платы, пенсий, социальных выплат и т.д.). В то же время происходит давление на прибыль компании, что в перспективе отрицательно скажется на обновлении производства, реализации процессов импортозамещения.

Сценарий «стабилизации» не предполагает существенных изменений в развитии российской экономики. Согласно прогнозу Всемирного банка, рост годового российского ВВП составит в 2021 г. 2,9%, в 2022 г. – 3,2%. МВФ дает более оптимистичный прогноз на два ближайших года относительно роста ВВП – 3% и 3,9% соответственно [10].

Сценарий стабилизации может рассматриваться как наиболее вероятный. В соответствии с данным сценарием Минэкономразвития РФ прогнозирует прирост ВВП на конец 2024 года в размере 3%, инфляцию – на уровне 4%, темп прироста промышленного производства – 2,8%, инвестиций – 5,3%. Прирост оборота розничной торговли составит всего 2,8%. Реальные располагаемые доходы населения к концу 2024 года должны увеличиться на 2,5%. Курс доллара к рублю прогнозируется на уровне 73,6, цена нефти Urals - 54,2\$ за баррель. Важно учитывать и тот факт, что прогнозируется повышение ключевой ставки Центрального банка РФ с текущих 4-4,5% до 5-6%. Планируется обеспечивать поддерживающую бюджетную политику [11].

Прогноз развития казахстанской экономики до 2024 года представлен в докладе Аналитического кредитного рейтингового агентства. В докладе отмечается, что экономика страны остается чрезмерно зависимой от

состояния нефтегазового рынка. Основным внутренним вызовом стало введение в 2020 году карантинных мер и, как следствие, снижение экономической активности, усиление фактора неопределенности.

В табл. 1 приведены некоторые статистические показатели, отражающие состояние экономики Казахстана за пять лет.

Показатели в таблице свидетельствуют о начавшейся в 2020 г. в Казахстане рецессии. Наблюдается ухудшение всех показателей, отражающих состояние экономики. Из-за карантинных мер сократился объем ВВП (прирост составил -2,6%), на 3,4% сократились инвестиции в основной капитал, уровень безработицы составил 4,9%, прирост потребительских цен достиг 7,5%. Практически обвалился на 63,3% пассажирооборот. Сократился внешнеторговый оборот: со странами СНГ на 10,4%, со странами вне СНГ – на 14%. В 2021 году экономика Казахстана продолжает испытывать шок. В первом квартале 2021 г. темп роста ВВП составил 98,6%, уровень безработицы остался прежним – 4,9%, снизилось производство услуг (темп роста – 96,8%).

Таблица 1

Индексы основных социально-экономических показателей развития экономики Казахстана в % к предыдущему году

Показатель	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
1. Валовой внутренний продукт	101,1	104,1	104,1	104,5	97,4
2. Промышленное производство	98,9	107,3	104,1	103,8	99,3
3. Расходы на конечное потребление	101,4	101,6	102,7	107,4	99,0
4. Численность безработных	98,1	99,3	100,3	99,3	101,9
5. Инвестиции в основной капитал	102,0	105,8	117,5	108,8	96,6
6. Грузооборот	94,9	107,9	107,3	102,2	96,6
7. Пассажирооборот	106,2	103,3	103,2	104,9	36,7
8. Индекс физического объема розничной торговли	102,0	102,7	105,7	105,9	95,9
9. Внешнеторговый оборот со странами СНГ	84,4	126,8	114,1	103,5	89,6
10. Внешнеторговый оборот со странами вне СНГ	80,0	125,3	124,2	100,6	86,0
11. Индекс потребительских цен	108,5	107,1	105,3	105,4	107,5

Источник: составлено автором на основе [12, с. 10-11].

В то же время оживление наблюдалось в сельском, лесном и рыбном хозяйстве (102,8%) и строительстве (113,1%). Темп роста промышленности свидетельствует об отсутствии роста (100,1%) [13].

Согласно базовому макроэкономическому прогнозу, в 2024 году темп прироста ВВП составит 3,7%. Уровень безработицы сначала возрастет, достигнув в 2021 г. 5,5%, однако в 2024 году снизится до отметки 4,8%. Показатель инфляции также сначала возрастет до 5,9%, далее снизится до 5,5% в 2024 г. С оживлением внешней торговли может увеличиться экспорт и импорт товаров [14].

Комплекс антикризисных мер, принятых Правительством РК и Национальным банком, направлен на поддержку экономики и населения страны. В целом антикризисный пакет оценивается на уровне 5,9 трлн тенге, что составляет 8,2% от ВВП страны, в том числе средства из республиканского бюджета составят 3,4 трлн тенге, из внебюджетных фондов – 2,5 трлн тенге. В данный пакет включены меры, связанные с прямыми выплатами населению, а также налоговыми послаблениями малому и среднему бизнесу и отраслям, наиболее пострадавшим от карантинных ограничений.

Крупный фискальный пакет нацелен на торможение падения уровня экономического развития и на дальнейшее восстановление экономики.

Благодаря предпринимаемым Правительством РК и Национальным банком мерам, удастся снизить давление на тенге на валютном рынке. Тем самым поддерживается курс национальной валюты и снижается его волатильность.

Базовый сценарий развития экономики Казахстана предполагает стабилизацию к 2024 году базовой ставки на уровне 8% при инфляции в 5-7%. На инфляционную динамику будут продолжать влиять, с одной стороны, сжатие потребительского спроса, с другой стороны, девальвация тенге, связанная со сложившейся конъюнктурой на нефтяном рынке, а также динамикой курса российского рубля.

Еще один фактор, имеющий место в сложившейся ситуации, – рост издержек производства и реализации продукции. Влияние карантинных мер, носящих пролонгированный характер, станет причиной дальнейшего роста цен, а также усиления волатильности на валютном рынке.

Золотовалютные резервы страны, к сожалению, сокращаются. Кроме того, они характеризуются низкой ликвидностью. Следовательно, в будущем золотовалютные резервы будут в меньшей степени использоваться для поддержки курса тенге. В связи с этим возрастает риск усиления инфляции.

Снижение экономической активности обуславливает сокращение поступлений в государственный бюджет. В то же время расходная часть бюджета будет расти. В совокупности это приведет к росту дефицита бюджета и увеличению государственного долга (но не более 30% от ВВП).

Согласно пессимистическому макроэкономическому прогнозу, в 2024 году темп прироста ВВП Казахстана составит 3,7% (на уровне базового прогноза). При этом безработица будет выше базового прогноза – 5,5%, инфляция – 6,5%.

Заключение

Итак, мировой экономический кризис, разразившийся в последние годы, оказался непохожим на предшествующие кризисы и не связанным с современными бизнес-циклами. В отличие от классического циклического кризиса, у современного не было периода нарастания кризисных явлений, растянутого во времени. Кризис случился, по сути, моментально, а величина социально-экономических потерь оказалась очень высокой, потребовав от правительств всех стран серьезных мер реагирования. В результате удалось избежать катастрофических потерь после коронакризиса, хотя, наверняка, мировая экономика еще долго будет испытывать проблемы.

Важной особенностью текущего кризиса является и то, что за снятием карантинных мер неизменно последует значительный рост спроса на товары и услуги, потребление которых было отложено. Например, это касается товаров длительного пользования и сферы услуг, наиболее пострадавшей от локдауна.

Восстановление мировой экономики в целом приведет к улучшению ситуации и в сырьевом секторе. Однако, как отмечают эксперты, это не сможет стать драйвером роста экономик с сырьевой ориентацией [15]. Остаются актуальными вопросы реиндустриализации. Активная роль в данном процессе отводится государству, благодаря поддерживающим мерам которого запускается процесс посткризисного восстановления.

И что еще немаловажно, текущий кризис и применяемые в борьбе с ним меры, явно продемонстрировали отсутствие радикальных сдвигов в основах современного общества. Несмотря на его всестороннюю информатизацию, императивы капиталистического общества остаются неизменными. Отсутствие качественных трансформаций обусловило применение классических методов борьбы с текущим кризисом преимущественно фискального и монетарного характера.

Литература

1. Аналитики предсказали новую волну мирового экономического кризиса // РИА новости, 10 мая, 2021 г. [электронный ресурс]: <https://ria.ru/20210510/krizis-1731633327.html> [дата обращения: 23.06.2021 г.].
2. Эксперты предупреждают об угрожающих размерах мирового долга // Агентство экономической информации «ПРАЙМ», 23 февраля, 2021 г. [электронный ресурс]: <https://1prime.ru/finance/20210223/833097710.html> [дата обращения: 24.06.2021 г.].
3. Цвылев Р.И. Постиндустриальное развитие. Уроки для России. – М.: Наука, 1996.
4. Castells M. Toward a Sociology of the Network Society// Contemporary Sociology. 2000. Vol. 29 (5). September: 693-9.
5. Дятлов С.А. Информационно-сетевая экономика: методология, классификация, мониторинг // Информационно-сетевая экономика в XXI веке: Материалы Первой евразийской студенческой научной интернет-конференции / Под ред. проф. С.А. Дятлова, проф. В.П. Колесова, А.В. Толстопятенко. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.

6. Дятлов С.А. Информационный императив и глобальный кризис рыночной цивилизации // Экономическая теория на пороге XXI века / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. – М.: Юристъ, 2000.
7. Стиглиц Дж. Информация и смена парадигмы в экономической науке (Нобелевская лекция). – 8 дек. 2001 г. Сб. «Мировая экономическая мысль сквозь призму веков». В 5 томах. Т. 5. «Всемирное признание. Лекции нобелевских лауреатов». Кн. вторая. – М.: Мысль, 2005.
8. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Мальхиной; Под ред. Е.Л. Вартовой. – М.: Аспект Пресс, 2004.
9. Kumar K. From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theories of the Contemporary World. – Oxford: Blackwell, 1995.
10. Эксперты предсказали новую волну мирового экономического кризиса // Экономика, 10 мая, 2021 г. [электронный ресурс]: <https://www.rbc.ru/economics/10/05/2021/6098bd989a7947b889c180eb> [дата обращения: 24.06.2021 г.].
11. Табах А. Макроэкономический прогноз на 1 полугодие 2021 года: неглубокая заморозка // Expert, 14.01.2021 г. [электронный ресурс]: https://forbes.kz//process/expertise/kak_budet_chuvstvovat_sebya_ekonomika_kazahstana_v_blijayshie_godyi/ [дата обращения: 24.06.2021 г.].
12. Предварительные данные за 2020 год: статистический ежегодник. – Нур-Султан, 2021 [электронный ресурс]: <https://stat.gov.kz/> [дата обращения: 30.06.2021 г.].
13. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [электронный ресурс]: <https://stat.gov.kz/> [дата обращения: 30.06.2021 г.].
14. Ашигали Ж., Дмитриева И. Экономика Казахстана – риски рецессии в 2020 году и перспективы выхода из нее. Экономика Казахстана: прогноз до 2024 года. – Аналитическое кредитное рейтинговое агентство, 12.08.2020 г. [электронный ресурс]: <https://www.acra-ratings.ru/research/1997> [дата обращения: 30.06.2021 г.].
15. Широков А. Как будет восстанавливаться рост. Коронакризис как вызов для экономической политики // Ведомости, 30.12.2020 г. [электронный ресурс]: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/12/29/853008-vosstanavlivatsya-rost> [дата обращения: 30.06.2021 г.].

Поступила в редакцию

13.08.2021

Стеблякова Лариса Петровна – доктор экономических наук, зав. кафедрой «Инженерное предпринимательство и маркетинг» Карагандинского технического университета, г. Караганда, Казахстан.

Steblyakova Larissa P. – Doctor of Economics, Head of the Department "Engineering Entrepreneurship and Marketing" of Karaganda Technical University, Karaganda, Kazakhstan.

Казахстан, г. Караганда, пр-т Нурсултана Назарбаева, 56
56, Nursultan Nazarbayev Avenue, Karaganda, Kazakhstan
e-mail: Larissastkaz@mail.ru